

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

О. Н. Астафьевева, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, лауреат премии Правительства РФ в области культуры (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

О. Ю. Васильева, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАО, член Международной ассоциации истории религий, почетный член Российской академии художеств (Российская академия образования)

Н. И. Гендина, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (МГИК)

О. В. Гукаленко, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, лауреат премии Правительства РФ в области образования (Институт содержания и методов обучения)

С. В. Иванова, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор, почетный работник общего образования РФ, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ (Институт стратегии развития образования Российской академии образования)

К. К. Колин, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук)

И. А. Корсакова, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент (Московский государственный институт музыки имени А. Г. Шнитке)

Р. П. Кошкин, доктор технических наук, профессор, член Союза авиапроизводителей России, почётная грамота Президента РФ (Государственный научно-исследовательский институт гражданской авиации)

И. В. Малыгина, доктор философских наук, профессор (Московский государственный лингвистический университет)

Р. С. Мотульский, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель культуры Республики Беларусь (Институт современных знаний имени А. М. Широкова, Республика Беларусь)

С. Б. Синецкий, доктор культурологии, доцент, профессор (Челябинский государственный институт культуры)

У. А. Тешабаева, PhD, директор (Национальная библиотека Узбекистана имени Алишера Навои, Республика Узбекистан)

Л. В. Федякина, доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, профессор, член-корреспондент РАО (Министерство культуры РФ)

Я. Л. Шрайбер, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ (Государственная публичная научно-техническая библиотека России)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. И. Ануфриева, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ (МГИК)

Л. В. Беловинский, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (МГИК)

С. Н. Гавров, доктор философских наук, профессор, член Союза писателей Москвы (Финансовый университет при Правительстве РФ)

А. Дебласио (A. DeBlasio), PhD, заслуженный профессор свободных искусств и наук, кафедра Славистики, Дикinson Колледж (США)

Е. Э. Дробышева, доктор философских наук, профессор (Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой)

А. Жубара (A. Jubara), кандидат философских наук, научный сотрудник, преподаватель Майнцского университета имени Иоганна Гутенберга в Гермерсхайме (Германия)

Е. В. Золотухина-Аболина, доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет)

Л. С. Зорилова, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор, член Союза писателей России, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего образования (Российская академия музыки имени Гнесиных)

Т. И. Кимеева, доктор культурологии, доцент (Кемеровский государственный институт культуры)

С. М. Климова, доктор философских наук, профессор (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

Р. А. Литvak, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Челябинский государственный институт культуры)

А. М. Мазурицкий, доктор педагогических наук, доцент (МГИК)

А. Д. Майданский, доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Л. С. Майковская, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ (МГИК)

С. Б. Никонова, доктор философских наук, профессор (Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой)

Н. К. Равишанов, доктор технических наук, профессор (Научно-исследовательский институт развития цифровых технологий и искусственного интеллекта при Министерстве по развитию информационных технологий и коммуникаций Республики Узбекистан)

В. А. Ремизов, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы, член Союза писателей РФ (МГИК)

Н. В. Синявина, доктор культурологии, доцент (МГИК)

Т. Н. Суминова, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор (МГИК)

В. А. Тихонова, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ (МГИК)

Т. В. Христидис, доктор педагогических наук, профессор (МГИК)

Н. В. Шарковская, доктор педагогических наук, доцент (МГИК)

М. М. Шибаева, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор (МГИК)

май – июнь
3 (125) 2025 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

ИЗ ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ
МЫСЛИ	10	МАРЕЕВ С. Н.
ПОЛ И КУЛЬТУРА
	18	МАРЕЕВА Е. В.
ПОЛ И ГЕНДЕР: ТРАКТОВКА С. МАРЕЕВА
	30	ИВАЩУК О. Ф.
ПОЛ И ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕКА
ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ	42	ТИХОМИРОВА Е. Г., ДУШКИН Р. В.
ИИ-БОТ КАК ДРУГОЙ: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
СЕМАНТИКИ СМАРТ-КУЛЬТУРЫ
ТЕОРИЯ
И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ	54	МАРКОВ А. П.
ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И МИССИЯ
ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ (НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ XXIII
МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ)
	65	КОТ Ю. В., КУДРИНА Е. Л.
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ
РУССКОГО МИРА В КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОМ АСПЕКТЕ
	77	СУМИНОВА Т. Н.
КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР КАК АГЕНТ И СУБЪЕКТ
ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКИ
	91	ГАВРИЛИНА Л. М.
КУЛЬТУРОЦЕНТРИЗМ СОВРЕМЕННОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА:
ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

- ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА**
- 103 СЛЕПОКУРОВ В. С., СИЛАНТЬЕВА А. А.**
МЕЖДУНАРОДНЫЕ МУЗЕЙНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК ФАКТОР ДИАЛОГА КУЛЬТУР (НА ПРИМЕРЕ ВЫСТАВКИ «ПАРИЖ-МОСКВА» В ЦЕНТРЕ ПОМПИДУ)
 - 112 ВОЕВОДИНА Л. Н.**
ОСНОВНЫЕ ТИПОЛОГИИ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР И ИХ ФУНКЦИОНАЛ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

 - 122 СИНЯВИНА Н. В.**
СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
 - 130 ЗАЙЦЕВА С. А., КОНЬКОВ А. С.**
АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ АКЦИОНИЗМА В РОССИИ
 - 141 ГУК А. А.**
РЕГИОНАЛЬНОЕ ИГРОВОЕ КИНО КАК АЛЬТЕРНАТИВА МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ
 - 150 КАПИЧИНА Е. А.**
РУССКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПЕРИОДА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ИДЕЙ
 - 159 КОРОБКО М. Ю.**
УСАДЕБНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ XVII – НАЧАЛА XX ВЕКА (ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА НА МАТЕРИАЛАХ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

 - ПЕДАГОГИКА И ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ**
 - 172 ЖАРКОВ А. Д.**
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА – ГЕНЕЗИС СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ
 - 179 ХРИСТИДИС Т. В., ТОРОПОВА Н. М.**
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ
 - 190 ЩЕПЕЛЕВ А. А., КАРАВАЦКАЯ Н. А.**
АНАЛИЗ ДЕТСКИХ И МОЛОДЕЖНЫХ ПРОГРАММ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЛЕГКАЯ АТЛЕТИКА» В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

202 МАЙКОВСКАЯ Л. С.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СИСТЕМЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОКАЛИСТА: К ВОПРОСУ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

211 КОМАНДЫШКО Е. Ф., КОНЯХИНА М. С., СЮ Т.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО
МАСТЕРСТВА СТУДЕНТА – СКРИПЧА
В МУЗЫКАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ КИТАЯ

**БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ, 222
БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЕ
И КНИГОВЕДЕНИЕ**

КУДРИНА Е. Л., ЖАРДЕМОВА М. Г.

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-
КОММУНИКАЦИОННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У БУДУЩИХ
СПЕЦИАЛИСТОВ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА

236 СЛАДКОВА О. Б.

СОЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ –
КЛЮЧЕВОЙ ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕННОСТИ

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ 246

АЛЕКСАНДРОВА Н. А.

ПЕРВЫЙ В РОССИИ ОТДЕЛ ГЕНЕАЛОГИИ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ А. С. ПУШКИНА

256 БАСМАНОВА Н. Ю.

МУЗЕИ-КВАРТИРЫ В СОВРЕМЕННОМ
ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Content

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT	10	MAREEV S. N. SEX AND CULTURE
	18	MAREEVA E. V. SEX AND GENDER: AN INTERPRETATION BY S. MAREEV
	30	IVASHCHUK O. F. GENDER AND HUMAN REPRODUCTION
PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY	42	TIKHOMIROVA E. G., DUSHKIN R. V. AI-BOT AS THE OTHER: REPRESENTATIONS OF SMART-CULTURE SEMANTICS
THEORY AND HISTORY OF CULTURE	54	MARKOV A. P. GLOBAL CHALLENGES OF THE TIME AND THE MISSION OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE (SOME RESULTS OF THE XXIII INTERNATIONAL LIKHACHEV SCIENTIFIC READINGS)
	65	KOT Yu. V., KUDRINA E. L. METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE RUSSIAN WORLD IN THE CULTURAL-PHILOSOPHICAL ASPECT
	77	SUMINOVA T. N. CREATIVE PRODUCER AS AGENT AND SUBJECT OF VALUE-ORIENTED ECONOMY
	91	GAVRILINA L. M. CULTURAL CENTRISM OF CONTEMPORARY ARTISTIC SPACE: FEATURES OF COMMUNICATION PROCESSES

103 SLEPOKUROV V. S., SILANTIEVA A. A.

INTERNATIONAL MUSEUM PROJECTS AS A FACTOR
OF CULTURAL DIALOGUE (USING THE EXAMPLE OF THE
PARIS-MOSCOW EXHIBITION AT THE POMPIDOU CENTER)

112 VOEVODINA L. N.

THE MAIN TYPOLOGIES OF YOUTH SUBCULTURES
AND THEIR FUNCTIONS IN MODERN SOCIETY

**ARTISTIC 122 SINYAVINA N. V.
CULTURE**

CONTEMPORARY ART AND NEW TECHNOLOGICAL
OPPORTUNITIES: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

130 ZAITSEVA S. A., KONKOV A. S.

ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF ACTIONISM IN RUSSIA

141 GUK A. A.

REGIONAL FEATURE FILMS AS AN
ALTERNATIVE TO POPULAR CULTURE

150 KAPICHINA E. A.

RUSSIAN MUSIC CULTURE OF THE SILVER AGE:
A PHILOSOPHICAL-AESTHETIC ANALYSIS OF KEY IDEAS

159 KOROBKO M. Yu.

MANOR TERMINOLOGY OF THE XVIII –
EARLY XX CENTURIES (EXPERIENCE OF COMPLEX
ANALYSIS BASED ON THE MATERIALS
OF THE MOSCOW PROVINCE)

**PEDAGOGY 172
AND EDUCATION
IN THE FIELD
OF CULTURE**

ZHARKOV A. D.

THE PEDAGOGICAL PARADIGM – THE GENESIS
OF SOCIO-CULTURAL ANTHROPOLOGY

179 KHRISTIDIS T. V., TOROPOVA N. M.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES
TO THE FORMATION OF INTERCULTURAL
COMMUNICATIVE COMPETENCE OF STUDENTS

190 SHCHEPELEV A. A., KARAVATSKAYA N. A.

ANALYSIS OF CHILDREN'S AND YOUTH PROGRAMS
IN THE DIRECTION OF «TRACK AND FIELD
ATHLETICS» IN RUSSIA AND ABROAD

202 MAYKOVSKAYA L. S.

COMMUNICATION SYSTEMS IN VOCALIST'S PROFESSIONAL ACTIVITY: ON THE ISSUE OF IMPROVING THE EDUCATIONAL PROCESS

211 KOMANDYSHKO E. F., KONYAKHINA M. S., XU T.

PECULIARITIES OF FORMATION OF VIOLIN STUDENT'S PERFORMING SKILLS IN CHINESE MUSIC EDUCATION

LIBRARY SCIENCE, 222 KUDRINA E. L., ZHARDEMOVA M. G.
BIBLIOGRAPHY
AND BOOK STUDIES DEVELOPMENT OF INFORMATION AND COMMUNICATION COMPETENCES IN FUTURE LIBRARY SCIENCE SPECIALISTS

236 SLADKOVA O. B.

SOCIAL INFORMATION TECHNOLOGY – THE KEY IMPERATIVE OF MODERNITY

MUSEOLOGY 246 ALEXANDROVA N. A.
THE FIRST GENEALOGY DEPARTMENT IN RUSSIA
IN THE STATE MUSEUM OF A. S. PUSHKIN
256 BASMANOVA N. Yu.
MUSEUM-APARTMENT IN A MODERN LEGAL GROUND

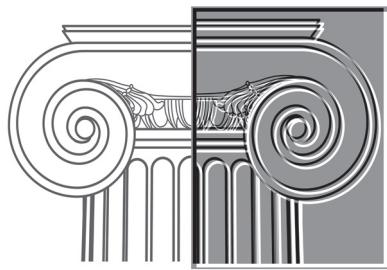

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Не ранее чем через год после выхода в свет статьи в нашем журнале автор может опубликовать данный текст или его фрагменты в других изданиях. Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности. Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками. При их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.
2. Объем статьи составляет от 23 000 до 40 000 знаков, включая пробелы и список литературы.
3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05-2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках. Количество источников в библиографическом списке не менее 10 и не более 30.
4. К статье прилагаются:
 - а) аннотация (100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках (8–12 слов);
 - б) сведения об авторе в следующем порядке – ФИО автора (авторов) полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место учёбы или работы (в именительном падеже), город, страна. Все данные дублируются на английском языке. Отдельно указывается контактный телефон, обязательно – электронный адрес;
 - в) обязательным является указание на УДК, грант или госзадание. Обязательно указание на шифр и название специальности, по которой идет статья.
5. Статьи принимаются в электронной версии на e-mail редакции: vestnik-mguki@mail.ru
 - а) все статьи проходят двойное слепое рецензирование и публикуются бесплатно. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов, а также возможность вносить изменения в название и текст статьи по согласованию с автором. Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.
 - б) до рецензирования оригинальность статьи проверяется в системе «Антиплагиат». В журнал принимаются статьи со степенью оригинальности текста не менее 75%. Цитаты занимают не более 20 % текста. Самоцитирование ограничено необходимым минимумом (не более 10 % текста в форме пересказа со ссылкой на источник). Совпадение не более 2 %.
 - в) автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул. Автор должен сообщить редколлегии журнала обо всех своих работах и работах своих соавторов, пересекающихся по тематике с представленной в редакцию статьей и находящихся на рассмотрении в других изданиях.
 - г) статья, после её одобрения редколлегией журнала, может готовиться к публикации до полугода. Форма договора высыпается автору после принятия редколлегией решения о публикации. При представлении основных результатов своего исследования автор обязан находиться в правовом поле, т. е. его публикация не должна каким-либо образом нарушать Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 18.04.2018) «О средствах массовой информации».

ИЗ ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ
МЫСЛИ

ПОЛ И КУЛЬТУРА

УДК 009

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-3125-10-17>

С. Н. Мареев

Аннотация. Предлагается первая публикация архивной статьи «Пол и культура» Сергея Николаевича Мареева – одного из основателей «ильенковской школы» в отечественной философии. Будучи другом и учеником Э. В. Ильенкова, Мареев изучал и воплощал в своих исследованиях конкретный историзм как методологическую основу марксистской теории и социальной практики. В статье «Пол и культура» С. Н. Мареев характеризует своеобразие марксистского решения проблемы пола и половых инверсий с позиции социальной сущности человека. В начале 90-х годов, когда на фоне тотального реформирования российского общества в качестве социальной нормы стал утверждаться половой релятивизм, автор статьи демонстрирует нетривиальность марксистского анализа указанной проблематики, показывая различие между «биологическим полом» и «психологическим полом» у человека. В противоположность натуралистическим трактовкам пола и половых инверсий в рамках фрейдизма, Мареев рассматривает половое поведение человека как производное мира культуры в его историческом измерении.

Ключевые слова: биологический пол, психологический пол, половая инверсия, половой релятивизм, деспециализация полового поведения, пол и самосознание, пол как литературный жанр, женская и мужская душа.

Для цитирования: Мареев С. Н. Пол и культура // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №3 (125). С. 10–17. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-3125-10-17>

SEX AND CULTURE

Sergey N. Mareev

Abstract. The first publication of the archival article “Sex and Culture” by Sergey Nikolaevich Mareev, one of the founders of the “Ilyenkov school” in Russian philosophy, is proposed. Being a friend and pupil of E. V. Ilyenkov, Mareev studied and embodied in his research concrete historicism as the methodological basis of Marxist theory and social practice. In the article “Sex and culture” S. N. Mareev characterizes the uniqueness of the Marxist solution to the problem of sex and sexual inversions from the perspective of the social essence of human. In the early 90s, when sexual relativism began to be established as a social norm against the background of the total reform of Russian society, the author of the article demonstrates the non-triviality of the Marxist analysis of these issues, showing the difference between the “biological sex” and the “psychological sex” in humans. In contrast to the naturalistic interpretations of sex and sexual inversions within the framework of Freudianism, Mareev considers human sexual behavior as a derivative of the cultural world in its historical dimension.

МАРЕЕВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (1941–2019) – доктор философских наук, профессор
MAREEV SERGEY NIKOLAEVICH (1941–2019) – DSc in Philosophy, Professor

© Мареев С. Н., 2025

Keywords: biological sex, psychological sex, sexual inversion, sexual relativism, de-specialization of sexual behavior, sex and self-awareness, sex as a literary genre, female and male soul.

For citation: Mareev S. N. Sex and Culture. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 3 (125), pp. 10–17. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-3125-10-17>

Что такое пол?

Вопрос, так поставленный, кажется простым до нелепости. Известно, что это такое. Пол бывает мужским и женским. Между мужчиной и женщиной существует противоположность полов. Ну, а в чем, собственно, противоположность? Почему мужчина – это мужчина, а женщина – женщина? Опять нелепый вопрос. Мужчина – это человек, который имеет мужские гениталии, а женщина, соответственно, женские. Какая тут проблема?

Одним словом, выходит, что различие между мужчиной и женщиной – это различие морфофизиологическое, анатомическое и т. д., то есть биологическое. Назовем это условно физиологическим, или медицинским, пониманием пола.

Повторяю, что это кажется настолько «фундаментальным» и «незыблемым», что даже разговоры на эту тему кажутся нелепыми. Но в науке было бы все очень просто, если бы эмпирическая очевидность совпадала с существом дела. Вернее, наука тогда была бы просто не нужна: зачем наука, если и так все ясно. Но неясности начинаются тут же при столкновении с чуть более сложными случаями, чем обычный случай. Как быть, например, в случае, если у человека нормальная мужская генитальная организация, а в половом отношении он ведет себя как женщина?

В науке о половом поведении, в сексологии и сексопатологии, это называется инверсией, то есть, по-русски, переворачиванием. Так вот, как быть здесь? Кто здесь мужчина, а кто женщина? Опять же, все просто, – скажет упрощенец-скептик. Просто мужчина ведет себя как женщина. А женщина, соответственно, как мужчина. Ведь, скажем, и в античном, и в восточном, да и в европейском театре Нового времени, в шекспировском театре, все женские роли играли мужчины.

Актёрская профессия была сугубо мужской профессией.

Но в том-то и дело, что при инверсии мужчина *не играет роль* женщины. Он не «комедию ломает», – он на самом деле является женщиной вопреки своей мужской генитальной организации. Также как личность человека, это не личина, не маска, не «роль», не его второе «я», а его подлинное «я», его внутреннее существо, которому подчиняется все остальное, в том числе телесная организация человека, даже, в конечном счете, генитальная, половая. Поэтому пол – это не только нечто первичное и исходное, но и *вторичное*, производное образование. В обычном случае то и другое не различается, а сливаются в одно. Случай инверсии, инвертированного полового поведения – это для науки замечательные случаи. «Замечательные» не в нравственно-эстетическом смысле, а в смысле сугубо научном: они, как и некоторые уродства в биологии, представляют собой «реальные» абстракции, – то, что человек должен сделать в голове, отделить одно от другого только мысленно, идеально, происходит реально, на самом деле. В инверсии то, что в психологии называется *психологическим полом*, отделяется от того, что можно условно назвать *биологическим полом*.

Последнее «условно» потому, что в чистом виде человеческая биология никогда не существует, она проявляется только в патологии – когда, скажем, какие-то человеческие свойства – психологические, социальные, нравственные – почему-то деградируют и перестают доминировать, как это обычно имеет место в норме, в человеческом поведении.

Итак, пол *биологический* и пол *психологический*. И второе не менее реально, чем первое. Биологически мыслящие ученые и обыкновенные граждане, – народному сознанию

свойствен своего рода наивный натурализм, все приписывающий чисто телесной организации человека и факту чисто биологического рождения, – усматривают первичность только в биологическом, телесном, а все остальное считают вторичным и производным. Но биология может хорошо объяснить нам, каким образом, скажем, адреналин действует на функцию человеческого сердца и мобилизует наши физиологические, моторные и так далее возможности. Но человек испытывает гнев не потому, что у него повысился адреналин в крови, а наоборот, у него повысился адреналин, потому что он испытывает гнев. Но гнев – явление отнюдь не биологического рода, а морально-психологического, социального, духовного. Он относится к разряду *высших человеческих эмоций*, которые, как это понял уже Р. Декарт, принципиально отличаются от животных чувств, которые можно истолковать биологически.

Точно так же у человека перестраивается и половая функция. Чтобы вести себя как мужчина, человека должен знать, что он мужчина, сознавать себя мужчиной. У него должна быть мужская душа, а не одни только мужские гениталии. «Душа» – понятие не биологическое. Поэтому писатели, философы, поэты и так далее освоили значение этой категории для понимания сущности пола гораздо вернее и глубже, чем все биологи, медики и психиатры вместе взятые. Среди первых, в частности, и в особенностях, интересно и верно высказался Хосе Ортега-и-Гассет, до последних лет мало известный у нас испанский философ и писатель. И мы позволим себе процитировать некоторые выдержки из этого автора.

«Того, что формы женского тела, – пишет Ортега-и-Гассет, – отличаются от мужского, недостаточно, чтобы увидеть в этом теле женщину. Более того, формальные различия заставляют нас чаще всего ошибочно трактовать женское естество. И напротив, именно в тех частях женского тела, которые менее всего отличаются от нашего, и проявляется – в виде со-присутствия <...> – женское начало.

Факт удивительный, однако в конечном счете не более, чем появление другого существа мужского пола.

Исходя из этого, мы окажемся гораздо ближе к истине, если взглянем на дело иначе: не из специфики женского облика выводим мы понятие о том странном и глубоко отличном от нашего мужского образа, образе существования, который мы называем женским, а наоборот, все и каждая из частей женского тела приоткрывает нам, в виде со-присутствия, внутренний мир ее, Женщины, и стоит воспринять эту скрытую, внутреннюю женственность, как она тут же пропитывает каждую клеточку тела, делая его женственным. Вывод может показаться парадоксальным, но, по-моему, он неоспорим: не тело женщины обнаруживает «женскую душу», а «душа» женщины заставляет нас воспринимать ее тело как женское» [2, с. 341].

Натуралистическому сознанию всё это может показаться только красивой «литературщиной», не более того. Да нет же. Здесь заключена целая методологическая научная программа, гораздо более адекватная и богатая, чем натурализм. И Ортега-и-Гассет эту программу по существу раскрывает. И здесь мы имеем все, что было свойственно всей классической философии: и историзм, и выбор, и свободу, и творчество. «То, что мы называем «женственностью», – пишет Ортега-и-Гассет, – не создано природой, а, подобно искусству, является вдохновенным творением истории. Поэтому так поверхностны, так мало содержательны те многие и многие страницы, которые госпожа де Бовуар посвящает биологическому аспекту пола. Только пытаясь представить себе происхождение человека, мы неизбежно вынуждены обратиться к фактам эволюции, которыми располагает сегодня биология, не сомневаясь при этом, однако, что назавтра факты эти сменятся другими. Но с того самого мгновения, как человек стал человеком, он, а вместе с ним и мы, вступаем в мир свободы и творчества. Наше исследование окажется гораздо более плодотворным, если мы будем рассматривать

женщину не как зоологическую особь, а как литературный жанр, как художественную традицию» [2, с. 346].

Итак, пол – это не мужские или женские гениталии, а это и «литературный жанр», и «художественная традиция», и результат всей до сих пор протекшей истории. Отсюда, соответственно, два подхода к проблеме пола: биолого-натуралистический и социально-психологический. Первый был реализован З. Фрейдом и исповедуется большинством медиков, сексологов и сексопатологов, второй – практически никем.

Половое влечение и половая потребность, или: почему не прав Фрейд

Зигмунд Фрейд зафиксировал одну очень важную особенность полового развития и полового поведения человека, которая заключается в том, что у сексуального влечения вначале «нет необходимости в объекте» [3, с. 227]. Иначе говоря, сексуальное влечение у человека вначале ни на что конкретное не направлено. Это *порыв*, проявление *потенции*. Но это еще не половая *потребность*. Всякая потребность у человека возникает только вместе со способом ее удовлетворения, а следовательно, вместе с предметом с объектом (как у Фрейда), который удовлетворяет данную потребность.

Это иллюзия, что женщина с самого начала является предметом половой потребности мужчины, и наоборот. Эта потребность, как и все другие, по существу, потребности человека, *формируется* при жизни. Только животным предмет удовлетворения дан вместе с позывом хотя бы потенциально. И животное сразу же «узнает» свой предмет по характерному запаху или характерной окраске. И оно сразу «знает», что делать: вместе с его биологической организацией ему задано и определенное половое поведение. Но уже у высших животных наблюдается разрыв между потребностью и потенцией, у них отсутствует «встроенное» половое поведение, оно формируется, и только в стаде. Отсюда

определенный биологический смысл стадной жизни у высших животных. Американцы проделали эксперимент, описанный в свое время в журнале «Наука и жизнь»¹. Самку обезьяны от рождения держали в полной изоляции от других обезьян. Когда она достигла половой зрелости и к ней пустили самца, она его не воспринимала как объект половой потребности, у нее начисто отсутствовало половое поведение. Но это не значит, что у нее не было потенции: когда ее искусственно оплодотворили, она нормально родила детеныша, которого опять-таки не воспринимала как своего детеныша: материнское поведение у нее также начисто отсутствовало, и тут ей ничем помочь уже было нельзя. Именно отсутствие жесткой связи между потенцией и потребностью, соответственно – предметом, у приматов создает возможность формирования «извращенных» потребностей и «извращенных» способов их удовлетворения.

Развитие животных видов и, соответственно, развитие генитального аппарата идет в направлении элиминации встроенных (врожденных) механизмов полового поведения, в направлении понижения, так сказать, специализации. Эта деспециализация создает возможность использования в сексуальных целях органов и предметов, не имеющих никакого отношения к генитальному аппарату. С этим связана характерная ошибка Фрейда. Согласно последнему, в процессе филогенетического развития все ранние формы гениталий «снимаются» и сохраняются в высших формах. «Представьте себе, – говорит Фрейд, – что у одного класса животных генитальный аппарат находится в теснейшей связи с ртом,

¹ Речь идет об опытах Г. Ф. Харлоу, президента Американской психологической ассоциации (APA) в 1958 г. Статья, которую пересказывает здесь С. Н. Мареев, была написана коллективом авторов – Harlow H. F. Harlow M. K. Suomi S. J. и называлась „From Thought to Therapy: Lessons from a Primate Laboratory” // American Scientist, Volume 59. 1971. September-October. p. 538–549. Ее перевод вышел в журнале «Наука и Жизнь» (1975, № 2) под заглавием «От размышления к лечению». (Примечание О. Ф. Иващук)

у другого неотделим от аппарата выделения, у третьего связан с органами движения... У животных можно видеть, так сказать, застывшими в сексуальной организации все виды извращений» [3, с. 226].

С этим и связано положение Фрейда, согласно которому у человека в процессе онтогенетического развития эрогенными зонами, помимо собственно гениталий, являются рот и задний проход. Это мы, так сказать, унаследовали от червей, рыб, земноводных, пресмыкающихся и прочих морских и сухопутных гадов. Нравственное возмущение, хотя по сути и законное, в данном случае, – и в этом Фрейд прав, – не может рассматриваться как научный аргумент против такой точки зрения. Вопросы, которые могут возникнуть в данном случае, суть следующие. Во-первых, почему для сексуальных целей могут использоваться такие новообразования, которых не было ни у червей, ни у пресмыкающихся, – рука, например, которая появляется у приматов, и предметы культуры, так называемые сексуальные фетиши, предметы женского туалета и т. п., которые вообще появляются только у человека. А во-вторых, почему использование хотя бы иrudimentарного генитального аппарата для сексуальных целей, то есть по его прямому назначению, надо называть «извращением»? Ведь извращение, по сути и по смыслу, – это использование для сексуальных целей органов и предметов, для этого не предназначенных. Иначе теряет смысл всякое различие между нормой и патологией, нормальным половым поведением и извращением.

Извращение – это сугубо нравственное понятие, которое применимо только к культурному поведению. Если же мы имеем дело с поведением, обусловленным целиком и полностью биологией, природой, то никакие нравственные оценки здесь не применимы: такое поведение не аморально и не морально, оно до-морально. Отсюда и получается полный половой релятивизм при той сугубо биологической трактовке пола, которую дает, например, Отто Вейнингер. Поскольку,

согласно этой трактовке, каждый мужчина в определенном отношении – женщина и, соответственно, наоборот, то есть все двуполые в той или иной мере, то инвертированное половое поведение тоже «нормально» [1, с. 5].

Всё это невозможно понять, если не оставить чисто зоологическую точку зрения и не перейти на точку зрения культуры. Л. С. Выготский в свое время сформулировал методологический принцип, согласно которому зоопсихология может быть понята в свете человеческой, но не наоборот. Фрейд пытается идти как раз «наоборот»: вместо того, чтобы понять человеческие новообразования в их человеческой специфике, он человеческое рассматривает как высшую форму развития зоологического. Отсюда, – как признается сам Фрейд, и здесь надо отдать должное его научной честности, – «неточность» его рассуждений о сексуальности человека, которая «увеличивается в высокой степени вследствие того, что мы принуждены одалживаться у биологии» [4, с. 422].

Так что же такое человек? Человек прежде всего не является дальнейшим продолжением зоологического развития, а он является его *прекращением*. С возникновением человека прекращается развитие природы и начинается развитие культуры. Не развитие как таковое прекращается, а прекращается только *определенная форма* развития. Предпосылкой возникновения культуры является то, что человек или то, что ему непосредственно предшествовало, – это абсолютно неспециализированное во всех отношениях существо. Он не имеет, скажем, специализированного клюва, как у птиц, которым они могут выдалбливать дупло в дереве или раздавливать твердую скорлупу орехов и т. п. Эта неспециализированность проявляется во всем: в питании, передвижении – человек может питаться почти всем, чем питаются все животные, кроме, пожалуй, клетчатки, которую человеческий желудок не переваривает, и ядовитых веществ. Передвигаться человек может всеми возможными способами, какими передвигаются животные, и даже сверх того:

он может ходить, бегать, ползать, летать и ездить. Именно в силу отсутствия специализации человек получает возможность и необходимость компенсировать свою зоологическую беспомощность культурой.

Но, что очень важно и что осталось совершенно непонятым всеми психиатрами, психологами, философами, – человек абсолютно не специализирован в отношении полового поведения. Биологически ему способ этого поведения никак не задан. И даже наоборот: самый распространенный способ этого поведения у людей и представляющийся самым «естественному» нигде в животном (естественному) мире не встречается и обусловлен целиком и полностью не биологически, а культурно, и в этом смысле он «искусственный».

Но если человеческое сексуальное поведение не определено биологически, то оно не определено и биологическим полом. Вернее, как уже говорилось, сам пол не определен для человека биологически. Мужское и женское у людей различаются только при помощи культуры. Для первобытного человека женщина – это та (то), которая (ое) выполняет определенные (женские) хозяйствственные действия с определенными (женскими) предметами. Отсюда род существительных: топор у всех народов мужского рода, а чашка – женского. Смысл различия предметов по родам заключается только в том, что род вещи должен указывать на род (пол) их обладателя. Это является для человека более объективным показателем, чем мужские и женские гениталии. Вернее, последние человек начинает различать только тогда, когда он различает первые. И вот здесь «онтогенез» действительно совпадает с «филогенезом»: современный человек, как и первобытный человек, различает дядей и тетей не по гениталиям, – различие последних для него еще не существует, это для него будущее «открытие», – а по мужской и женской одежде, по мужским и женским семейным, социальным и так далее обязанностям. Животные различают пол по запаху, при помощи обоняния. Человек может от-

личить один пол от другого только при помощи сознания, которое по своей природе не непосредственно, как обоняние и другие чувственные восприятия, а опосредованно, как правило, специальными культурными предметами, родом предметов, выполняющих определенное утилитарное назначение (род существительных сам по себе не выполняет никакого утилитарного назначения: топор не рубит лучше от того, что он мужского рода), а также предметами, все назначение которых состоит только в том, что они указывают пол. Это различные украшения, предметы и детали одежды, ритуальные предметы, а также ритуальные действия, танцы и так далее, которые и являлись, вместе с родовой организацией, объективно существующим для человека первобытного коллектива сознанием: через род человек осознавал себя и человеком, и мужчиной (женщиной) одновременно, свои семейно-брачные и социальные обязанности. Человек не может стать мужчиной или женщиной раньше, чем он станет человеком, и наоборот – человек становится мужчиной или женщиной.

Отсюда и возможность инверсии: существо с мужской генитальной организацией может считать себя женщиной и вести себя как женщина во всех отношениях, и наоборот. Но это только возможность, которая обусловлена неспециализированностью. Реализуется эта возможность только при особых культурно-исторических обстоятельствах. В родовой общине, в патриархальной семье это совершенно невозможно, потому что и половое поведение, и половой партнер, муж, жена, человеку абсолютно жестко определены и заданы родом, родителями. Человек здесь сам ничего не выбирал – ему выбирали и его выбирали. Чтобы инверсия состоялась, человек должен получить возможность выбора. И вот когда человек сам начинает выбирать, он может выбрать не только женщину, но и мужчину... Исторически релятивизм полового поведения не случайно появляется именно в период ломки родовых отношений, как это было, например, в Греции.

То же самое происходит и в период исчезновения так называемой «репрессивной», традиционной культуры и возникновения так называемой «контркультуры». «Контр» – значит все наоборот, в том числе и в половом поведении... Традиционные культурные рамки сломаны. И тогда не хватает только непосредственного толчка и повода. Тут причин может быть много. Но основные связанны с тем, что в силу каких-то обстоятельств, скажем, нелюбви с детства к матери, у мужчины не завязывается влечение к женщине. Все нормальные человеческие чувства, человечность чувств, формируются в отношениях с родителями. На разговоры о врожденности гомосексуализма можно ответить только одно: гомосексуальность врождена так же мало, как и гетеросексуальность. Спонтанно у человека возникает только абстрактный позыв, который ни на кого и ни на что конкретно не направлен. Направление, а тем самым и влечение, формируется только в обществе и только обществом и культурой.

Перверсии и инверсии – это не следствие сексуального недоразвития, как считает Фрейд, не сексуальный инфантилизм, а совсем наоборот – следствие, если можно так сказать, чрезмерного развития. Ведь для того, чтобы поговорить мужчине по телефону и получить полное удовлетворение (последний вид телефонных услуг), нужно иметь очень развитое воображение. Животное не имеет такой способности, не говоря уже о том, что оно не умеет говорить по телефону, поэтому оно и не может ничего себе представить кроме того, что оно может *по своей природе*. И потому животное никогда не удовлетворится одним только запахом или видом особи противоположного пола. Для него это только сигнал, только звено в цепи всегда полной программы полового поведения.

Неверно, что всякая человеческая любовь и всякое человеческое пристрастие есть форма проявления полового влечения (либидо); наоборот, так называемая половая любовь, которая сама по себе является исключительно историческим продуктом, есть только особен-

ный случай проявления этого человеческого чувства. Фейербах здесь прав. Но это человеческое чувство, и если оно не сформировалось с самого начала как нормальное чувство, – а формируется оно с самого начала как любовь к матери, к отцу, к братьям и сестрам (почему полезно иметь не одного ребенка), – то у человека впоследствии не формируется и нормальной половой любви. Человеку трудно полюбить женщину как жену, если он раньше не полюбил ее как мать. Психологические эмоциональные механизмы здесь одни и те же. И если их нет вообще, то их нет и ни в каком особенном случае. Только сознание позволяет человеку различать жену и мать. Запрет на половое общение с матерью, инцест, есть единственный способ отличить мать (и сестер) от других женщин. Парадокс здесь опять-таки заключается в том, что мать исключается из полового общения не потому, что она мать, а наоборот, – осознание того, что данная женщина есть мать, происходит только благодаря тому, что она исключается из полового общения.

Иного способа просто нет. Ведь факт физического рождения ребенку непосредственно не дан. Он только потом узнает, – и осознает, – что он родился именно от этой женщины, когда ему скажут об этом. И если бы у него способности к сознанию не было, и сознание не возникло, то человек, как и животное, не знал бы своих родителей. Впрочем, даже имея сознание, человек первое время знал только родительницу, но не знал родителя, как во многих случаях не знает и теперь.

Инцест – это первая форма ограничения животности, преодоления немоты родовой общности, утверждения совсем другого типа общности – общности социальной. Поскольку первые формы социальности совпадали с родом, с кровным родством, то их и надо было как-то разделить. Вокруг отца и матери формировались первоначальные формы социальности, которые несовместимы с немотой рода. Родовую организацию надо было осознать как социальную организацию, как общество, которое имеет своей необходимой

предпосылкой обязательно сознание. Последнее и является первоначально в форме различного рода запретов, табу, затем ритуал, миф и так далее. Ни религии, ни искусства, ни развитой художественной культуры еще нет. Они появятся только позже.

Итак, ошибка Фрейда заключается в том, что неспециализированность человека в отношении генитальной организации и полового поведения он истолковал не в отрицательном, так сказать, а в положительном смысле. Иначе говоря, использование таких органов, как рот и задний проход, в сексуальных целях возможно не потому, что этоrudименты гениталий, а потому, что человеку не задан абсолютно жестко способ полового поведения и, соответственно, предмет сексуального влечения.

Имея в виду все, сказанное о сознательном характере формирования человеческой сексуальности, определения пола, полового поведения и так далее, о том, что человеку отсутствующий у него инстинкт заменяет сознание, необходимо заметить, что все это не означает, что человек сознательно сам формирует свое половое поведение. Хотя и это

в развитых формах культуры имеет место. Но не всё, что относится к сознанию, осознается. Говоря о сознательных формах, или формах сознания, мы имеем в виду специальные социальные предметы, запреты, табу, ритуалы, мифы и так далее. Это то, что получило у К. Юнга наименование *коллективного бессознательного*. Эти формы имеют силу инстинкта, но животными инстинктами не являются. Это *по форме своего проявления инстинкты, но по сути – формы сознания*. Животные инстинкты врождены, генетически заданы, человеческие «инстинкты» формируются при жизни и в обществе и носят с самого начала не индивидуальный, а социальный характер. Но это, подчеркиваем, формы сознания. Поэтому нарушения в сексуальной сфере поддаются лечению сознанием. Психоанализ как метод психотерапии, собственно, на том и основан, что врач-психоаналитик помогает больному осознать скрытую причину своей собственной болезни и тем самым устраниТЬ ее. Исключительно биологическое толкование сексуальных нарушений ведет в этом смысле в безнадежные тупики.

1.07.1992

Список литературы

1. Вейнингер О. Пол и характер. Москва: ТЕРРА, 1992. 480 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник. Пер. с исп. Москва: Радуга. 1991. 639 с.
3. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. 2 издание / пер. с немецкого Г. В. Барышниковой, авторы очерка о З. Фрейде Ф. В. Бассин и М. Г. Ярошевский. Москва: Наука, 1991. 456 с.
4. Фрейд З. Психология бессознательного: Сборник произведений. Москва: Просвещение. 1990. 448 с.

*

Поступила в редакцию 10.04.2025